

В. Б. Помелов

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

УДК 37(09)(470.342)

ББК 74.03

В статье характеризуются коренные преобразования в области народного образования, осуществлявшиеся в первые годы Советской власти в одном из российских регионов – в Вятской губернии. Приводятся многочисленные факты, показывающие те трудности, которые были вынуждены преодолевать работники просвещения в годы гражданской войны.

Ключевые слова: Февральская и Октябрьская революции 1917 г.; Вятская губерния; губернский отдел народного образования.

V. B. Pomelov

THE REVOLUTIONARY CHANGES IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE VYATKA GUBERNIA IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER

The article characterizes radical changes in the field of public education in the first years of Soviet power in one of the Russian regions, – in the Vyatka province. The article includes numerous facts, illustrating the difficulties that have had to overcome educators during the civil war.

Key words: The February and October Revolution 1917; the Vyatka province; the provincial department of education.

Победа Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России, переход власти в руки большевиков создали условия для коренных перемен

в деле образования. Уже 26 октября (8 ноября) 1917 г. декретом II-го Всероссийского съезда Советов «Об образовании рабочего и крестьянского

правительства» наряду с другими народными комиссариатами был создан и народный комиссариат просвещения (далее — НКП) во главе с А. В. Луначарским¹.

В губерниях учреждались культурно-просветительные коллегии. Вятский губисполком 24.01.1918 г. доводил до сведения граждан губернии об образовании такой коллегии, которая «является главным руководящим органом в деле народного образования Вятской губернии», и «без ведома которой в области народного просвещения в губернии ничего не должно вновь предприниматься»¹.

16 февраля 1918 г. губернская культурно-просветительная коллегия была переименована в Вятский губернский комиссариат просвещения, который возглавил губернский комиссар просвещения А. Максимов³.

В дополнение к комиссариату для лучшего обеспечения руководства делом просвещения создавались губернский, уездные и волостные советы народного образования, куда вошли на общественных началах активные сторонники создания новой школы, в основном, грамотные рабочие и крестьяне, представители интеллигенции, а также представители от учителей, родителей, партийных и обществен-

ных организаций. Эта мера способствовала развитию демократических начал в руководстве школой⁴.

18 июня 1918 г. Совнаркомом РСФСР было принято положение «Об организации дела народного образования», по которому общее руководство делом народного образования возлагалось на Государственную комиссию по просвещению во главе с наркомом просвещения, а на местах — на губернские, уездные и волостные отделы народного образования⁵. Советы народного образования были реорганизованы в совещательные органы при указанных отделах.

В Вятской губернии отделы народного образования при исполкомах Советов были повсеместно созданы к концу сентября 1918 г.⁶. В июле 1918 г. комиссариат был преобразован в Вятский губернский отдел народного образования (далее — губоно), который взял на себя руководство работой учебных и культурно-просветительных учреждений.

В 1926—1929 гг. при губоно существовала «городская часть», ведавшая вопросами образования в г. Вятка. Губоно был ликвидирован в августе 1929 г. в связи с ликвидацией Вятской губернии и вхождением ее территории в Нижегородский край и позднее вос-

¹ Об образовании народного комиссариата по просвещению и назначении народным комиссаром А. В. Луначарского... М., 1974. С. 7.

² Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО), ф. 1137, оп. 1, д. 11. Л. 2.

³ Помелов, В. Б. Народное образование в 1917—1999 годах // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 9. Киров, 1999. С. 57.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике: Положение СНК РСФСР от 18.6.1918 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. М., 1974. С. 14—16.

⁶ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 3038. Л. 30; 38. Л. 87.

становлен уже как Кировский областной отдел народного образования.

При Вятском губоно был создан также подотдел национальных меньшинств¹, организованы подотделы национальных меньшинств при Уржумском, Малмыжском, Яранском, Глазовском, Сарапульском, Елабужском уоно², — в этих уездах был большой процент нерусского населения. Организационный период завершился I-м губернским съездом работников просвещения, состоявшимся 10—19 декабря 1918 г.

В своей практической деятельности Вятский губоно первым делом приступил к реорганизации местных органов образования. В связи с ликвидацией учебных округов, — а учебные заведения Вятской губернии ранее входили в Казанский учебный округ, — в феврале 1918 г. одновременно были упразднены должности директоров и инспекторов народных училищ, попечителя учебного округа, смотрителей и блюстителей учебных заведений. В течение весны-лета 1918 г. в уездах Вятской губернии приступили к работе уездные отделы народного образования (далее — уоно)³.

В 1923 г. уоно, как самостоятельные отделы уездных исполкомов, прекратили свое существование, и их сотрудники были переданы в общие отделы, но несколько позднее, в 1927 г.

уоно снова были восстановлены. Тем самым была признана необходимость создания специальных органов на местах, которые бы отвечали за состояние дел в образовании.

В отчете Вятского горono за 1917—1918 учебный год отмечалось: «В вихре революционной борьбы возник Вятский городской отдел народного образования. Перед новым отделом оказалось не простое наблюдение над школами и мелкие реформы, нет, а большая и широкая задача: построить, наладить и ввести школу и все дело народного образования в социалистическое русло»⁴.

На проходившем с 8 по 25 апреля 1918 г. II-м губернском съезде Советов поднимались в числе прочих и проблемы образования. В частности, предлагалось сделать все необходимое для обеспечения педагогов литературой, разработать нормы их труда, «снабдить все школы необходимыми пособиями, принять меры по строительству общежитий для учащихся сельских школ, отвести для сельских школ земельные участки...»⁵. Съезд поставил перед отделами народного образования серьезные задачи в духе новых требований и, прежде всего, выдвинул требование «освежить учительский состав»⁶.

Такая установка была не случайной, ибо значительная масса учи-

¹ ГАКО, ф. 1139, оп. 1, д. 315. Л. 211.

² ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 14. Л. 186.

³ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 14. Л. 63.

⁴ Отчет о деятельности Вятского городского отдела народного образования. Вятка, Вят. губ. тип., 1918. 36 с. С. 4.

⁵ Второй Вятский губернский съезд Советов, апрель 1918. Вятка, Вят. Губ. тип., 1918. 160 с. С. 148.

⁶ Там же. С. 150.

тельства как в целом по России, так и в Вятской губернии в частности, поначалу не поддержала октябрьский переворот и последовавшие вскоре вслед за ним события в жизни страны. Работникам образования, прежде всего, преподавателям вузов и гимназий, было как-то странно видеть во главе России людей, среди которых только три человека (В. И. Ленин, А. В. Луначарский и Н. В. Крыленко) имели высшее образование; большинство же членов «самого образованного в мире правительства», как впоследствии в советской пропаганде его называли, не окончили даже гимназии, и в анкетах обычно указывали, — «образование начальное», или что-нибудь в этом роде. Многие советские «вожди» не имели даже какой-нибудь самой простой профессии, и в графе «профессия или род занятий» гордо именовали себя *революционерами*. Демагогические проекты НКП, а именно отмена отметок и экзаменов¹, введение выборности преподавателей и руководителей учебных заведений с участием учеников и т. п. стали одной из причин, спровоцировавших всероссийскую забастовку учителей.

Однако если в центре сопротивление между «контрреволюционным» учительством, объединившимся вокруг Всероссийского учительского союза (ВУС), тут же запрещенного Советской властью, с одной стороны, и «революционным» учительским

«молодняком» из Союза учителей-интернационалистов, созданного в противовес ВУСу, с другой стороны, проходило достаточно остро, то в Вятке все обошлось «освежением», иначе говоря, удалением из учебных заведений «приверженцев старого режима». К числу таковых еще раньше, в марте 1917 г. был, например, отнесен видный деятель российского образования, замечательный просветитель и интернационалист, директор Вятского учительского института Александр Модестович фон-Вилькен (1874—1934), который был вынужден покинуть Вятку².

Сущность «освежения» кадров в Вятской губернии состояла так же, впрочем, как и по всей России, в том, что на места опытных педагогов ставились пролетарские кадры, многие из которых не только не имели специального педагогического образования, но и не имели никакого образования вообще; в основном, это были демобилизованные красноармейцы. Большевицкая бдительность и революционное чутье были призваны заменить педагогические знания и любовь к детям.

«Новаторы» из НКП на этом, однако, не успокоились. В 1923 г. руководитель входившего в НКП Главполитпросвета Н. К. Крупская подписала «Инструкцию о пересмотре книжного состава библиотек и изъятию контрреволюционной и ан-

¹ Об отмене отметок: Постановление народного комиссара по просвещению. Май 1918 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг.. М., 1974. С. 133.

² Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993. 84 с. С. 9, 24.

тихудожественной литературы»¹. В соответствии с ней подлежали немедленному изъятию из библиотек и уничтожению, в частности, дореволюционные детские хрестоматии, в том числе К. Д. Ушинского и Д. И. Тихомирова, книги «Родная речь», любимые детьми книжки («Сказка о муравье-богатыре», «Сказка о пчелке-мохнатке» и т. п.), произведения Толстого, Лажечникова, Загоскина, Данилевского, Лескова, Сенкевича, Немировича-Данченко, Мордовцева, Мельникова-Печерского, Дюма, Декарта, Платона, Канта... Подлежали уничтожению дореволюционные журналы, особенно «толстые», в которых традиционно печатались новинки отечественной и зарубежной литературы. Фактически запрещалась практически вся мировая и отечественная литература, все книги, где сколько-нибудь положительно говорилось о религии, царе... Они объявлялись контрреволюционной пропагандой. Чтобы хоть как-то спасти часть книг, работники библиотек предлагали бесплатно взять их всем желающим.

Взамен властями предлагались списки «книг», подлежащих распространению: «Грамота — путь к коммунизму», «Всемирный Октябрь», и тому подобная состряпанная на скорую руку агитационная «литература». Так, в «Советской репке», в этой «сказке на новый лад», в качестве «персонажей» выступали красноармеец, де-

вушка в красной косынке...². Такого рода «литературу» не обремененным излишними познаниями новоиспеченным педагогам, которые в массе своей были бывшими красноармейцами с двухклассным образованием, было, конечно, проще «преподавать». Она как бы уравнивала их в «знаниях» с теми, кто имел солидное педагогическое образование и отработал в школе многие годы.

В итоге, в 1918–1919 гг. русская национальная школа, которая создавалась подвижническими усилиями выдающихся педагогов (К. Д. Ушинский, Л. Н. Модзалевский, В. И. Водовозов, Д. И. Тихомиров, В. Я. Стоюнин, Д. Д. Семенов и др.), видных региональных педагогических деятелей (в Вятке это были А. И. Анастасиев, А. А. Красев, Н. Н. Блинов, М. М. Синцов, А. П. Батуев, Н. И. Мышкин, В. И. Фармаковский и др.), бесчисленного отряда рядовых самоотверженных тружеников на ниве просвещения на протяжении многих лет, во многом перестала существовать.

В первые послеоктябрьские годы общеобразовательная школа не имела единых государственных планов и программ. Примерные программы носили локальный характер и предполагали включение в них местного, регионального материала. В 1923–1925 гг. учителя получили так называемые комплексные программы, подразумевавшие освоение учебного материала

¹ Инструкция о пересмотре книжного состава библиотек и изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы» [М., 1923]. Режим доступа: URL: <http://famhist.ru/famhist/klsson/000072ec.htm> {дата обращения: 1.06.17}.

² Помелов В. Б. Народное образование в 1917–1999 годах. Киров, 1999. С. 57–146. С. 59.

в соответствии с тремя пресловутыми «колонками» (природа, труд, обществу)¹. Вводились чуждые отечественной школе методы, как, например, дальтон-план, бригадно-лабораторный метод и др.²

В первый же год, согласно официальным отчетам, по комплексным планам в губернии занималось 10 % школ, а еще 40 % использовали их частично³. Новые программы делали акцент на использовании методов исследовательского характера, на всесторонней активизации самостоятельности учащихся в процессе учебы.

Однако при этом затруднялось изучение систематических знаний, особенно по математике и русскому языку, которые проходились «попутно». На закрепление учебных навыков в школах Вятской губернии затрачивалось различное количество учебного времени: в Омутнинском уезде — 25 %, в Уржумском уезде — 50 %, в Халтуринском уезде — 10 %⁴.

Учителя стремились игнорировать дальтон-план. Так, даже опытно-показательная школа II-й ступени им. Л. Б. Красина в г. Вятка перевела на дальтон-план лишь некоторые предметы, причем уроки по этим предметам проводились в ограниченном количестве, больше для отчета, а остальное учебное время проходило, как и раньше, в рамках классно-урочной системы. Нередко учителя готовили

к уроку два плана: один — согласно дальтон-плану, на случай внезапной проверки, другой — для реально проводившихся уроков.

Аналогичное положение сложилось и в профессиональных учебных заведениях губернии. Так, в Вятском пединституте в ходе использования бригадно-лабораторного метода учебные задания давались не каждому в отдельности студенту, а целой бригаде, состоявшей из 4–6 человек. После выполнения задания один из членов бригады, самый бойкий и знающий, отчитывался, а остальные согласно кивали головами.

Неудивительно, что зам. директора по учебной работе пединститута Василий Михайлович Дьяконов отмечал, что «индивидуальная работа студентов растворилась в работе бригады; известная часть студенчества весь процесс учебы ограничивала бригадной проработкой вопросов, большей частью в форме беседы между собой членов бригады. При этом основная тяжесть работы выпадала на наиболее подготовленных студентов; слабые студенты, иногда не проработав самостоятельно учебного материала по книге, усваивали предмет со слов бригадира или сильных студентов в процессе так называемой бригадной проработки. Вместе с тем, наличие сильных и слабых студентов в одной бригаде приводило к замедлению хода

¹ Очерки истории и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941. М., 1980. 456 с. С. 109.

² *Кларин М. В.* Дальтон-план // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. М., 1996–1999. Т. 1. С. 243.

³ *Константинов Н. А., Медынский, Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. 472 с. С. 153.

работы сильных студентов»¹. Аналогичным образом проводились занятия и в других учебных заведениях Вятской губернии.

Введение социалистических преобразований в деле просвещения вызвало сопротивление со стороны «контрреволюционно настроенного учительства», пытавшегося «сорвать мероприятия Советской власти по строительству новой школы»².

Особенно значительным было противодействие реализации декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г. Существовавшие до конца марта 1918 г. земские управы пытались продолжить обучение закону Божьему, пение молитв и соблюдение церковных обрядов в школе. Например, Вятская уездная управа своей директивой от 19.03.1918 г. на имя заведующего начальными училищами уезда разрешила преподавание указанного предмета.

«Это контрреволюционное указание быстро нашло отклик в среде отсталой части крестьянства, которая веками отравлялась ядом религии. В тех деревнях, где крестьянство находилось под сильным влиянием контрреволюционных элементов, родители учащихся на своих собраниях выно-

сили решения о несогласии с декретом Советского правительства по вопросу о преподавании закона божьего», — с сожалением спустя многие годы комментировал такой ход событий типичный советский ученый³.

В марте 1918 г. руководители Вятского уоно на заседании губернского комиссариата получили жесткие указания по вопросу о проведении в жизнь «антицерковного декрета». В результате чистки, проведенной среди руководителей и учителей, к 1920 г. удалось-таки добиться выполнения партийных указаний в этом вопросе.

В то же время исполнение декрета ВЦИК «Положение о единой трудовой школе РСФСР» от 30.09.1918 г.⁴, и сопровождавшей его декларации государственной комиссии по просвещению «Основные принципы единой трудовой школы» от 16.10.1918 г.⁵ носило значительно более конструктивный характер на местах, было встречено населением положительно, поскольку основное содержание этих документов составляли идеи, отвечавшие коренным требованиям трудящихся в области образования. Согласно этим документам, в частности, сословные школы преобразовывались в единые трудовые школы I-й и II-й ступеней.

¹ Дьяконов В. М. Вятский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина в первое десятилетие своей работы. 1918–1928. Вятка, 1934. С. 28–36. С. 35.

² Ендальцев В. С. Строительство советской школы в Вятской губернии в первые годы Советской власти. 1917–1920 гг. Киров, 1958. С. 126–140. С. 134.

³ Там же. С. 134.

⁴ Положение о единой трудовой школе РСФСР: Декрет ВЦИК РСФСР от 30.09.1918 г. М., 1974. С. 133–137.

⁵ Основные принципы единой трудовой школы: Декларация государственной комиссии по просвещению от 16.10.1918 г. М., 1974. С. 137–145.

Этот декрет отражал интересы подавляющей части населения и поэтому нашел всестороннюю поддержку на местах; основные требования декрета в Вятской губернии были выполнены уже в 1918—1919 учебном году.

В первые послеоктябрьские годы в числе сотрудников НКП было немало уроженцев Вятской губернии. Оттон Людвигович Бем начинал свою педагогическую деятельность в с. Уни Глазовского уезда Вятской губернии библиотекарем, затем был заведующим отделом внешкольного образования, председателем уездного комитета партии. В 1920—1922 гг. он служил заведующим Вятским губоно. В 1922 г. был переведен в НКП на должность заведующего главным управлением социального воспитания и политехнического образования детей. (Это управление существовало в 1921—1933 гг.). Именно им была послана в Вятский губернский комитет партии на имя секретаря парткома пединститута С. А. Альпова 4 ноября 1922 г. известная телеграмма: «Владимир Ильич согласие наименование пединститута его именем дал = наркомпрос № 8638 = завглавоцвосом Бем». (Имеется в виду Вятский пединститут)¹.

Одним из ответственных работников НКП был в 1920-е гг. еще один бывший зав. Вятским губоно Владимир Рафаилович Барановский. В 1920-х годах в НКП работал Александр Константинович Сапожников; родом он был из крестьян Костром-

ской губернии, учился в Кукарской учительской семинарии Вятской губернии.

Видным деятелем образования первых советских лет был Пантелеймон Михайлович Смирницкий (1894—1959), окончивший Вятский учительский институт в числе первых пятнадцати выпускников в 1917 г. Он преподавал физику и биологию в средней школе (далее — СШ) № 1 г. Халтурина, позднее в агрошколе и в детской воспитательной колонии. П. М. Смирницкий писал маслом картины, в которых воспевал красоту родного края. Он создал целую серию картин об истории возникновения г. Орлова, начиная с первых поселений на берегу р. Вятки. Для него как педагога был характерен индивидуальный подход к каждому ученику. Доцент Кировского пединститута, кандидат педагогических наук Н. Н. Цвейтова, его племянница, составила описание педагогической династии, к которой относился П. М. Смирницкий. Оказалось, что эта династия, даже без учета нынешнего «педагогического молодняка», объединяет свыше сорока педагогов, а их общий педагогический стаж составляет не менее полутора тысяч лет.

Среди населения Вятской губернии было немало людей, которых можно назвать самоотверженными поборниками образования народа, работавшими на ниве просвещения не ради заработка, а по велению души. Одним из таких просветителей был житель

¹ Помелов В. Б. Выдающийся отечественный дидакт Б. П. Есипов // Историко-педагогический журнал. 2016. № 3. С. 114—130. С. 124.

деревни Евсино Тужинской волости Яранского уезда Г. Т. Чесноков. Будучи большим любителем чтения, он организовал в собственном доме избу-читальню. Писал стихи, разного рода заметки, воспоминания. Вместе со своим односельчанином Н. Скурихиным он издавал стенную газету. Газета имела своих корреспондентов, своего рода актив. Газету Чесноков отвозил в базарный день в село Пижанку и там вывешивал на здании библиотеки. Материалы газеты были на злобу дня, поэтому ее с интересом читали все грамотные, приезжавшие на базар. Григорий Тимофеевич организовал товарищество по совместному приобретению сельскохозяйственных машин. Члены товарищества по его настоянию оказывали существенную материальную помощь Зоричевской начальной школе. При его активном участии в школе давались концерты и ставились спектакли.

Жительница Яранска Ия Дмитриевна Лубина в течение месяца собрала 7000 томов и 1 октября 1918 г. по собственной инициативе и на собственные средства открыла детскую библиотеку. К концу года в ней было 880 читателей.

Несмотря на все тяготы времени, открывались и новые учебные заведения. 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Вятке была открыта школа, впоследствии ставшая одной из лучших в городе. Вот как писала об этом событии одна из местных газет: «В среду ... на

углу улиц Николаевской и Морозовской состоялось открытие первого в Вятке бесплатного среднего учебного заведения... названного народным реальным училищем»¹. Школа должна была открыться еще 1 сентября. Вятская городская Дума дала согласие на открытие школы, но на ее содержание не хватало средств. Был объявлен сбор средств. Так, от Вятского благотворительного общества поступило 150 руб., от Вятского студенческого общества — 2198 руб. и т. д. В итоге, школа была открыта в «нестандартный» день. Тогда, конечно, никто не мог себе представить, что именно этот день станет столь знаменательным для России. В 1917 г. в школе обучалось 83 мальчика и 35 девочек. В 1918 г. школа была названа школой II-й ступени имени Октябрьской революции. Ее первым директором был Владимир Александрович Афанасьев, человек широкой эрудиции, талантливый педагог. Среди учителей, особенно отличившихся в первые годы ее работы, следует отметить заслуженных учителей школы РСФСР; среди них делегат всех трех довоенных всероссийских учительских съездов, кавалер двух орденов Ленина Л. Г. Шкляева, кавалер ордена Ленина и ордена «Знак Почета» Д. М. Лобастова, кавалер ордена Ленина О. П. Сивкова, а также М. Н. Михайлова, которая первой из вятчан была награждена медалью К. Д. Ушинского².

¹ Бурлит юное поколение // Вятская правда, 28 июля 1929 г., № 168.

² Помелов В. Б. Из истории отдельных школ. 1917–2007 / Хлынов-Вятка-Киров: историко-статистический сборник: в 5 т. Т. 2. Киров, 2014. (Электронный оптический диск). С. 192–220. С. 200.

То, что пришлось пережить вятским школам в первые послеоктябрьские годы, покажем на примере истории Кировской СШ № 20. Ее история начинается с открытия в 1904 г. высшего начального училища для детей железнодорожников. Поначалу у школы не было собственного помещения, и она располагалась на втором этаже здания вокзала станции Вятка-2 Пермской железной дороги. В 1917 г. было построено двухэтажное деревянное здание. Помещение школы использовалось и в качестве клуба; в нем работали различные кружки. Это обстоятельство стало роковым для школы. К первой годовщине Октября рабочие-кружковцы готовили концерт; покрашенные декорации сохли плохо, и тогда решили посильнее растопить печь. Но не усмотрели, и сгорела вся школа. Учащихся же стали переводить из одного подсобного помещения в другое. Как вспоминал учащийся школы в 1917 г., впоследствии почетный железнодорожник, кавалер ордена Трудового Красного Знамени машинист Леонид Иванович Кошечев, приходилось заниматься даже в здании отделения железной дороги¹.

Постепенно сложился коллектив школы. Словесник Павел Константинович Малюгин стал завшколой. Примечательной личностью был учи-

тель рисования Алексей Иванович Деньшин, который вместе со своей супругой Екатериной Иосифовной Косс-Деньшиной фактически спас знаменитый дымковский промысел². Врачом школы был Василий Алексеевич Трейтер. Незадолго до этого, в 1917 г. он выполнял обязанности губернского комиссара Временного правительства, то есть фактически был руководителем Вятской губернии. Кстати, как утверждают исследователи, Трейтер был внебрачным потомком Й. В. фон-Гёте³.

В конце 1918 г. училище было преобразовано в школу II-й ступени. П. К. Малюгин вспоминал: «Ни новых, ни старых учебников и пособий не было. Приходилось рыться в журналах, бегать в библиотеку им. Герцена, но и там книги были нарасхват. Как я был рад, когда удалось купить в агитпоезде плакаты по географии и естествознанию и один экземпляр учебника русского языка Ширяева уже с новой орфографией. Но мы, не переставая, мучились сомнениями, правильно ли мы работаем? Ведь из-за отсутствия учебников приходилось превращать уроки в диктовку правил. А как без учебников закреплять навыки? Правильно ли мы переосмысливаем фактический материал с точки зрения марксизма? ...Родительское

¹ Здесь и далее в рассказе о СШ № 20 нами используются сведения, полученные от бывших учеников, и данные из рукописи, составленной бывшим учителем А. С. Ардашевым в 1983.

² Помелов В. Б. Дымковская расписная игрушка как гордость Вятского края и отражение народных традиций // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2016. № 4. С. 160–173.

³ Помелов В. Б. В. А. Трейтер – врач, педагог, педолог, общественный деятель Вятки. Киров, 2014. С. 292–297; Помелов В. Б. Семья Трейтеров в Вятке / Немцы в России: сборник материалов... Киров, 2012. С. 92–102.

собрание, посвященное реформе школы, было многолюдным. Вдруг один родитель заявляет, что если не будет преподаваться Закон Божий, он заберет ребенка из школы. Кое-кто из бабушек и дедушек поддержал его. Пришлось разъяснять содержание декрета об отделении школы от церкви. В итоге, набожный папаша свою угрозу не привел в исполнение. Хотя и трудно было работать, но ободряло внимание и забота общественности о школе. Работники школы были приравнены в правах к железнодорожникам. Поэтому нам выдавалось удостоверение, ограждавшее от незаконного выселения, ареста и реквизиции имущества. К годовщине Октября дорпрофсоюз (железнодорожный профсоюз) выделил учителям подарки: мануфактуру и сладости. В свободное от уроков время устраивался показ световых картин с помощью проекционного фонаря...».

Были в этот период работы школы и поистине удивительные события. Весной 1919 г. для детей и сотрудников железнодорожных школ, а также работников культурно-просветительных учреждений Вятки Советское правительство, которому угрожал очередной враг, вдруг объявило ни много ни мало... эвакуацию, да еще и в Москву! Видимо, в столице посчитали, что Колчак, взяв Вятку, станет непременно угрожать именно детям железнодорожников. Но делать нечего, пришлось подчиниться. Для школы и ряда других учреждений был выделен поезд, который, дойдя до станции Шабалино, в 100 км от Вятки, высадил пассажиров и был

востребован для других нужд. Большая часть «эвакуации», примерно два месяца, здесь и прошла. Но учителям хотелось показать детям столицу, и они добились того, чтобы постановление правительства было выполнено. В итоге, удалось добиться отправки в Москву, где дети и учителя пробыли две недели.

Вернувшись домой, педагоги обнаружили, что остались у разбитого корыта: помещение школы было занято какой-то влиятельной организацией. «Выход» был найден такой: в лесочке была устроена с конца мая летняя школа. Под навесом устроили походную столовую, занимались на траве и на скамейках. Основным методом обучения стали экскурсии и походы. К осени школе было выделено здание. Заниматься приходилось в две смены, несмотря на все трудности, был устроен неплохой физический кабинет.

Учительница Н. Д. Берестова вспоминала: «1919 г. Здание почти не отапливалось. Сидели на уроках в пальто. Учебников не хватало, в лучшем случае на парту одна книга. Тетрадей не было вообще. Писали на кусочках оберточной бумаги, на старых газетах. У детей одежда плохая. Сумки для книг сшиты из холста; некоторые завязывали их в платок или просто веревкой. Все мы плохо питались, но, несмотря на все трудности, с энтузиазмом учили и учились; верили в то, что трудности — временные. В 1920 г. предпринимались усилия к тому, чтобы дети не голодали. В учебное время в школе устраивались завтраки: 100 г. сметаны с сахаром и хлебом. Овощи

выращивались учащимися и родителями на школьном огороде».

Зима 1919—1920 гг. была исключительно холодной. Многие дни не учились: не хватало дров, а детям нечего было одеть. Как сигнал о морозе на пожарной башне по ул. Свободы, функционирующей и ныне, вывешивался красный флаг. Весной все школы устраивали школьные огороды, благо земли в городе тогда хватало. На станции Ардаши и у деревни Малый Коньп Поломской волости были устроены дачи (тогда их называли «колонии») для железнодорожной школы; здесь школьники проводили лето. Став семилеткой, школа стала принимать на обучение детей железнодорожников со всей железнодорожной ветки, вплоть до г. Котельнича на запад, до г. Котласа на север и до г. Зуевки на восток. В 1925—1934 гг. школа стала фабрично-заводской «девятiletкой» (ФЗД).

Бывший ученик школы А. Т. Васильков вспоминал: «В 1923—1924 учебном году в Вятке появились первые пионерские отряды. Был такой отряд и при железнодорожном клубе, а в школах устраивались форпосты (объединения пионеров, учившиеся в разных школах). Через несколько лет вся пионерская работа переместилась в школы. Запомнилось трудовое воспитание. Нас водили на экскурсии на предприятия железнодорожного транспорта (паровозное и вагонное депо), в мастерские и артели города. Летом мы ездили даже в Пермь, Свердловск и Нижний Тагил».

Другой бывший ученик А. Н. Кобликов рассказывал: «Запомни-

лись городские комсомольские собрания в клубе совпартшколы, которая находилась в Трифоновом монастыре. Собирались комсомольцы всего города: текстильной фабрики «Красный труд», спичечной фабрики «Красная звезда», кожзавода и др. Перед собраниями пели революционные песни. Особенно нравились выступления в прениях комсомольцев-рабочих. Время было такое, что одним из важных вопросов было оказание помощи малообеспеченным учащимся. Мы, комсомольцы, ходили по квартирам и проверяли, кто как живет, а потом делали заключение о том, кто нуждается в выдаче бесплатной одежды и обуви. Сведения подавались в комсод (комиссию содействия школе из числа родителей учащихся). Председателем комсода была моя мать Прасковья Захаровна. Деньги для покупки одежды и обуви давали железная дорога и гороно (с 1920 г.), а также зарабатывали сами путем проведения платных спектаклей и вечеров в клубе Октябрьской революции. Я увлеченно работал в стенгазете, которая тогда была длинной, с множеством рисунков. В 1929—1930 учебном году я входил в группу комсомольцев, которым было поручено заниматься ликвидацией неграмотности среди взрослого сельского населения. Нашим подшефным пунктом была деревня около поселка Мурыгино. Ходили туда пешком и жили по две недели в течение двух лет. Занимались по домам индивидуально с людьми пожилого возраста.

В тридцатые годы стали больше внимания уделять военной подготовке. Кружком «Ворошиловский стре-

лок» в школе руководил комсомолец по фамилии Чичиков. Были и неприятные инциденты. В один из теплых вечеров горком комсомола проводил демонстрацию в форме факельного шествия; это должно было символизировать протест против угрозы войны. Комсомольцы несли много карикатур. Особенно интересной была растянувшаяся на несколько десятков метров раздувшаяся «гидра империализма». Комсомольцы пели песню, в которой были такие слова: «Долой Чемберлена! Долой Чан Кайши!» Вдруг в Риту Стрельникову прилетел кем-то брошенный горящий факел, залив ее одежду горящей смолой. На Александра Устюжанинова напал вооруженный ножом хулиган. Потом оказалось, что это дружки школьного хулигана Кости Жукова, мстившие активным комсомольцам за их борьбу с местной шпаной, осаждавшей школу по вечерам. Расследованием этого инцидента занимался член горкома комсомола Анатолий Лаптев. В итоге, Жуков был исключен из школы».

А. П. Кукулина, выпускница школы 1926 г., вспоминала: «В восьмом классе, помимо общеобразовательных предметов, были введены специальные, железнодорожные предметы: изучение устройства телеграфных аппаратов, азбука Морзе, правила телеграфной корреспонденции, делопроизводство, таксировка. Нас готовили по специальности: телеграфист, проводник пассажирских и товарно-багажных вагонов, билетный кассир. В летние месяцы в течение двух месяцев

после 8 класса я проходила практику в конторе станции Вятка-I в качестве оператора с дежурным инспектором, регулирующим движение поездов».

Основное внимание властей в сфере образования уделялось восстановлению ранее существовавших школ и открытию новых учебных заведений. Однако лишь к концу 1920-х гг. удалось достичь дооктябрьского уровня по количеству школ. Так, в Вятской губернии в 1914–1915 учебном году насчитывалось 1815 школ и 122 тысячи учащихся, в 1922–1923 учебном году – 904 школы и 78 тысяч учащихся, в 1923–1924 учебном году – 1175 школ и 101768 учащихся, в 1925–1926 учебном году – 1274 школы и 105867 учащихся, в 1927–1928 учебном году – 1546 школ и 166242 учащихся.

Охват начальным обучением составлял 50,2 % детей начального школьного возраста. Значительно увеличилось к 1928 г. количество школ повышенного типа: их стало 77 против 47 в 1914 г. В 1928–1930 гг. было открыто 293 новые школы, развернулось широкое строительство школьных зданий, причем в основном на селе. Как правило, они не были типовыми, во время строительства чаще всего не учитывались необходимые санитарно-гигиенические особенности. Но это уже был большой шаг вперед. К концу 1920-х гг. охват детей начальным обучением составлял уже 68 %¹.

В решении бюро Вятского губкома РКП(б) от 19.01.1923 г. отмеча-

¹ Помелов В. Б. Народное образование в 1917–1999 годах... Киров, 1999. С. 65.

лось, что «в дальнейшем сеть учреждений соцвоса ни при каких условиях не должна сокращаться. Основными задачами в деле народного образования (следует) считать: развитие массовой элементарной школы, ликвидацию безграмотности, развитие школ рабочих и крестьянских подростков, переподготовку работников просвещения и улучшение материального положения их. Бюро губкома считает начавшимся общее наступление на фронте просвещения, в связи с чем предлагает губисполкому принять все меры к усилению работы в этом направлении»¹.

Кандидат технических наук, доцент Вятской государственной сельскохозяйственной академии Вениамин Николаевич Еремин вспоминал о том, как вятские крестьяне участвовали в этом деле: «...Бесовская начальная школа строилась совместными силами пяти деревень (Крутоложино, Петрушино, Русаково, Гущино и Беси) в полутора километрах от Крутоложино в деревеньке Беси. Школа была гордостью деревенских мужиков-строителей. Правда, для большинства ребятшек образование на этой школе заканчивалось... Многие еще и сейчас шутят: “Ты знаешь, какое у меня образование? Бесовское!”»².

В отчете Вятского губоно за 1923–1924 учебный год оптимистично заявлялось о том, что «все работы по увеличению сети (школ) прошли очень легко (!) и при весьма боль-

шой помощи со стороны населения; это служит доказательством того, что сеть школ 1-й ступени соответствовала потребностям населения»³. Население действительно оказывало большую помощь школе, прежде всего, посредством заготовки топлива, ремонтом школьных помещений, обеспечением учителей продовольствием.

При уездных отделах народного образования были созданы специальные комиссии по организации питания детей, которые содействовали открытию в школах столовых и питательных пунктов. В 1919 г. школы губернии получили 100000 аршин мануфактуры, 2500 пудов ваты, использовавшейся в качестве подкладочного материала при пошиве теплой одежды, значительное количество обуви и т. п.⁴. Постепенно стали расти ассигнования на народное образование. В 1922 г. из местного бюджета на эти цели было выделено 446000 руб., в 1924 г. — 2840000 руб., в 1927 г. — 5400000 руб. Современного читателя не должны вводить в заблуждение эти многомиллионные суммы; в те годы инфляция была галопирующей.

Получила распространение такая форма оказания помощи школе, как заключение договоров с местным населением. Такие договоры были заключены в 1922 г. с 568 школами 1-й ступени и 5 школами 2-й ступени.

Часть сельских школ с 1924 г. начала преобразовываться в школы крестьянской молодежи, в которых

¹ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2791.

² Еремин В. Н. Крутоложино колхозное // Вятка-АИФ, 1997, № 5. С. 7.

³ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2480. Л. 55.

⁴ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 142. Л. 128.

учащиеся наряду с общеобразовательными предметами осваивали и основы агротехники. В 1926 г. таких школ в Вятской губернии было 13¹.

Среди них выделялась Шурминская школа Уржумского уезда, имевшая в достаточном количестве сельскохозяйственный инвентарь, большой земельный участок, домашний скот. Специальные предметы преподавались здесь педагогами, имевшими агрономическое образование.

Интересна история создания первой школы II-й ступени для взрослых в г. Вятка. Весной 1917 г. инспектор I-й мужской вятской гимназии А. М. Григорьев организовал товарищество преподавателей средних школ и открыл первое реальное училище для взрослых с трехлетним сроком обучения. В него принимались рабочие и служащие, не имевшие среднего образования. Занятия проходили вечером, поскольку днем взрослые ученики были заняты на работе. Обучение было платным. Возраст учеников — от 16 до 50 лет. Царил большой энтузиазм, пропусков занятий почти не было. Окончание училища открывало возможность для поступления в вузы. Осенью 1917 г. Григорьев обратился в НКП и доложил о своем училище Н. К. Крупской. По ее предложению

оно было принято на госбюджет и переименовано в среднюю школу II-й ступени для взрослых. Учебный план этого училища в дальнейшем был взят за основу при создании в СССР учебных планов для рабфаков².

Имела место профессионализация «второго концентратора», то есть старших классов, средних («повышенных») школ. В 1926 г. 35 школ губернии давали начальное профессиональное образование, в том числе 12 из них имели культурно-просветительский уклон, 2 школы имели по 2 уклона³.

Школы испытывали большую нехватку в педагогических кадрах. Вятский учительский институт в 1918 г., в год, когда он стал высшим учебным заведением — первым вузом на Вятской земле, имел всего 156 студентов на всех курсах⁴. Учительские семинарии в Кукарке (открыта в 1903 г.) и Сарапуле (открыта в 1915 г.) были преобразованы в 1919 г. в 3-х годичные педагогические курсы.

В октябре 1921 г. в Кукарке был организован педтехникум, а в 1937 г. — педучилище⁵. Уже в 1918 г. в пяти городах губернии проводились 5–6-тимесячные курсы для подготовки учителей начальных классов⁶. Спустя год в Вятке и во всех уездных городах проводились педагогические кур-

¹ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2480. Л. 51.

² Кошкин Ф. Первая для взрослых // Кировская правда, 31 октября 1962 г., № 258.

³ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2480. Л. 51.

⁴ Кировский педагогический. 1914–1989 / ред. А. Г. Балыбердин [и др.]. Киров, изд-во КГПИ, 1989. 160 с. С. 13, 27.

⁵ Оситова Р. З. Старейшая кузница педагогических кадров области // Вятская земля в прошлом и настоящем: в 2 т. Киров, 1992. С. 192–195; Помелов В. Б. Советский индустриально-педагогический колледж — старейшая кузница педагогических кадров в Кировской области: матер. всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2011. С. 66–73.

⁶ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 142. Л. 274.

сы для учителей, в которых приняло участие до 2000 педагогов¹. К 1928 г. через губернские педагогические курсы проходило ежегодно 2 % учителей, а через уездные — до 10 %. На волостных педсоветаниях, на которых также обсуждались методические вопросы, присутствовало обычно до 100 % учительского состава².

6 ноября 1918 г. в Вятке был открыт народный университет Вятского губоно, который имел следующие отделения: общеобразовательное, социальных знаний, политехническое, культурно-просветительное и курсы по тем или иным специальностям. Университет выполнял следующие функции: удовлетворение общекультурных и образовательных запросов трудящихся, подготовка культурно-просветительских работников, подготовка обучающихся к общественно-политической деятельности.

Очень скоро последнее направление стало определяющим и с 1 января 1920 г. университет был преобразован сначала в рабоче-крестьянский университет, а затем в губернскую партийную школу.

С целью подготовки к поступлению в педагогический институт представителей рабочего класса и крестьянства в декабре 1921 г. был открыт государственный педагогический рабочий факультет имени С. Н. Халтурина. Руководителем рабфака длительное время был Петр Николаевич Соколов. С 1929 г. при рабфаке было открыто и вечернее отделение. В 1937 г. рабфак

был закрыт в связи с тем, что к тому времени, как считалось, средние школы стали давать качественных абитуриентов для вузов. В 1921 г. Вятским губоно был открыт педагогический техникум, реорганизованный с 1937 г. в физкультурно-педагогическое училище, которое в 1941 г. было переведено в Шабалинский район и объединено с местным педучилищем [47].

Большое внимание в воспитательной работе уделялось ознакомлению учащихся с историей революционного прошлого, с успехами социалистического строительства, с борьбой трудящихся в странах капитала. В отчете Вятгубоно за 1923—1924 учебный год отмечалось, что внеклассная работа с детьми ведется в школах в самых разнообразных формах, начиная от «примитивного» чтения книги или газеты и заканчивая организацией детского клуба при школах. Значительное место в жизни школы играют кружки, подготовка и проведение революционных праздников³.

В большинстве школ II-й ступени и в некоторых школах I-й ступени, начиная с 1923—1924 учебного года, для проведения внеклассной работы отводился целый день, так называемый «клубный день», в течение которого организовывалась активная творческая и общественно полезная деятельность учащихся. В школе II-й ступени им. А. И. Герцена г. Вятки в клубный день проводились собрания членов различных обществ: юных друзей МОПРа, Осоавиахима и др.

¹ Там же. Л. 271.

² ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 3019. Л. 286.

³ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2480. Л. 56.

Работали кружки по интересам: политический, литературно-юнкоровский, изобразительного искусства, спортивный, драматический, рукоделия, юннатов¹.

В Малмыжской школе I-й ступени в клубный день в 1927—1928 учебном году работали четыре комнаты: труда, драматизации, тихих игр и читальня. В комнате труда организовывался ремонт наглядных пособий, дети обучались переплету книг.

В этот период наибольшее распространение получили непредметные кружки. Широко распространилось ученическое самоуправление, причем появилось оно в форме ученических комитетов и значительно раньше, чем в школу пришли комсомол и пионеры. Первая молодежная политическая организация в Вятке появилась после февральской революции. В марте 1917 г. возник «Союз учащихся», имевший меньшевистско-эсеровскую направленность. Следующей молодежной организацией был «Союз техников-коммунистов», возникший в Вятке в начале 1918 г. Он состоял из учащихся технического училища и был первой коммунистической организацией на территории губернии². Спустя год комсомольские организации появились в школе им. А. И. Герцена, в Вятском школьном городке и других учебных заведениях³. К 1923

году ячейки Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) имелись почти во всех школах II-й ступени и стали своего рода центрами общественно-политического воспитания и сосредоточения клубно-кружковой работы⁴.

Первый пионерский отряд в Вятке был организован в мае 1922 г. при Народном клубе. В тот же год пионерские отряды появились в школе II-й ступени им. И. С. Тургенева г. Вятки, на кожевенном комбинате им. Коминтерна и на ряде других предприятий губернского центра, а также в Котельниче, Яранске, Халтурине, Уржуме. Поначалу пионерская организация носила имя героя древности Спартака, а самих пионеров называли спартаковцами. «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо. Вперед продвигались отряды спартаковцев — юных бойцов», — это слова из популярной песни тех лет, — «Песни о юном барабанщике». Именно эта песня была в те годы пионерским гимном; позднее ее сменил пионерский марш «Взвейтесь кострами...». Имя В. И. Ленина пионерская и комсомольская организации стали носить после смерти вождя в 1924 г.⁵

Истории пионерской организации в Кировской области (Вятской губернии) посвящены два издания книги «Пионерская летопись»; книга

¹ Там же. Л. 56.

² Моносзон Э. И. Путь комсомола. Вятка, Вятгубиздат, 1928. 60 с. С. 6.

³ Там же. С. 36.

⁴ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2480. Л. 55.

⁵ О переименовании детских коммунистических групп имени Спартака в детские коммунистические группы имени товарища Ленина: Из протокола экстренного заседания пленума ЦК РКСМ от 23 января 1924 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. ... М., 1974. С. 263.

была подготовлена Б. В. Леготиным и издана в Кирове в юбилейные для пионерской организации годы (1962, 1982).

В 1922 г. в вятской губернии насчитывалось всего 200 пионеров, спустя три года — уже 780, а в 1929 г. — 20 тысяч¹. В 1927 г. в сельских школах пионерами были от 5 % до 25 %, в волостных школах — 40 %, в уездных городах — 25–50 %, в Вятке — 75 %, а в некоторых школах и до 90 % детей соответствующего возраста².

С целью обеспечения педагогического руководства пионерской организацией проводились курсы пионервожатых. Создавались пионерские клубы. Над каждым пионерским отрядом устанавливалось шефство комсомольской ячейки. Поскольку пионерские отряды (форпосты) поначалу создавались на предприятиях, пионеры часто бывали в цехах, устраивали громкие читки газет, проводили концерты самодеятельности. Особенно активны были пионеры первых лет в работе с беспризорными и с теми детьми, кто по каким-либо причинам не учился.

В г. Вятка при центральном пионерском клубе были организованы слесарно-токарная и столярная мастерские для 115 беспризорников³.

Постепенно стали создаваться так называемые пионерские форпосты, ставившие перед собой задачу прове-

дение пионерского влияния в школу. И лишь в 1930-х гг. пионерские организации стали чисто школьными.

С 1925 г. в Вятке издавалась детская газета «Юный пахарь». Летом 1929 г. состоялся первый губернский слет юных пионеров⁴.

В оценке деятельности пионерской организации нередко допускаются преувеличения. Так, на слете отмечалось, что при участии пионерской организации 34 деревни были переведены на многополье, организованы 52 машинных товарищества и т. д. Ясно, что степень участия пионеров, детей 9–12 лет, в этом деле не могла быть сколько-нибудь существенной. В то же время заслуживают доверия сообщения о том, что пионерами губернии были проведены 168 субботников в помощь бедноте; пионеры Нолинского района отсортировали 1200 пудов семян и изготовили 2700 скворечников; пионеры Фаленского района провели 11 бесед о коллективизации среди крестьян и т. п.

В 1929 г. в губернии был объявлен «дошкольный поход», в ходе которого планировалось привлечь внимание к нуждам детей младшего возраста и их матерям, открыть значительное количество детских садов. Однако практическая реализация этого начинания наткнулась на нехватку материальных средств. План строился во многом в расчете на добровольные пожертво-

¹ Семаков С. Тезисы по истории комсомола Вятской губернии. Вятка, Вят. губ. тип., 1926. 46 с. С.37, 40.

² ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2852. Л. 129.

³ Семаков С. Тезисы по истории комсомола Вятской губернии. Вятка, Вят. губ. тип., 1926. 46 с. С. 39.

⁴ Бурлит юное поколение // Вятская правда, 28 июля 1929 г., № 168.

вания, на отчисления от кооперации и самообложения. Однако «Вятпотребсоюз», «Колхозсоюз», «Вятпромсоюз» и другие подобные организации не торопились с оказанием содействия «дошкольному походу». Тем не менее, в ряде районов (Мурашинский, Кайский) понемногу открывались детские сады, «деточаги», детские площадки и т. п.

Активно проводилась работа по преодолению неграмотности, поставленная в те годы в разряд важнейших политических задач. Политической основой этой работы стало Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по ликвидации неграмотности» (17 мая 1929 г.), в котором необходимость преодоления неграмотности увязывалась с программой индустриального переустройства страны. Была поставлена задача большевистскими темпами ликвидировать неграмотность среди промышленных рабочих в годичный срок, а среди колхозников — в течение двух лет. Предлагались различные источники финансирования кампании по ликвидации неграмотности¹.

Так, на начало 1930 г. в Вятке обучалось 1366 неграмотных, в том числе силами общественных организаций 939, силами гороно — 427².

Производился сбор средств среди населения в фонд всеобуча. В газете «Вятская правда» постоянно печатались сообщения такого рода: «И. И. Иванов, работник такого-то учреждения, вношу в фонд ликвида-

ции неграмотности столько-то рублей и призываю тов. Петрова П. П. последовать моему примеру». Тому, кого публично назвали в газете, ничего не оставалось делать, как «последовать примеру».

Наряду с ликвидацией неграмотности, ставилась задача ликвидации *малограмотности*. В губернском центре в начале 1930-х гг. повышали свою грамотность 688 человек, в том числе в школах для малограмотных 394, в кружках малограмотных 204, индивидуально и в группах — 900 человек.

В районах создавались отделения общества «Долой неграмотность», пункты по ликвидации неграмотности («ликпункты»), для работы в которых на общественных началах направлялись грамотные рабочие, учителя, горожане и даже школьники. Все «ликвидаторы» должны были пройти специальные курсы методического характера.

Однако и здесь было немало трудностей. Трудности вызывала даже сама перепись неграмотных. В Верхошижемском районе, например, многие ликвидаторы работать отказались. Огромное количество букварей лежало без движения несколько месяцев в райисполкоме.

В Фаленском районе на начало 1930 г. из двух тысяч неграмотных обучалось 450 человек. В Вожгальском районе длительное время не было соответствующей литературы.

¹ О работе по ликвидации неграмотности: Постановление ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917–1973 гг... М., 1974. С. 382–383.

² *Памелов В. Б.* Народное образование в 1917–1999 годах // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 9. Киров, 1999. С. 57–146. С. 72.

В Белохолуницком районе обеспеченность учебниками составляла не более 30 %. В Зюздинском районе пришлось обучать по дореволюционным учебникам. В ряде мест срыв этой кампании объясняли производственной занятостью. Наконец, союз работников просвещения, принявший осенью 1929 г. постановление, по которому каждый школьный работник обязывался обучить пять неграмотных, и спустя несколько месяцев не приступил к реализации этого постановления.

Развертывание работы по ликвидации неграмотности и малограмотности потребовало значительного количества учителей. Особенно страдали от этого отдаленные районы, такие, как Зюздинский. Тем не менее, даже и в этом районе в праве работать в школе отказывали лицам «социально чуждого происхождения» или ранее преподававшим религию. Посланные же по разнарядке органов образования зачастую не доезжали до мест; не помогала даже такая строгая мера, как снятие с учета по безработице¹.

Чрезвычайно актуальной в условиях продовольственного кризиса, охватившего страну в 1920-е гг., была опытническая работа в школах, которая не только прививала трудовые навыки и помогала в некоторой степени уменьшить остроту продовольственного кризиса, но и имела большое образовательное значение.

Так, на пришкольных участках

Нолинского уезда в 1925—1926 учебном году проводились такие опыты: посев корнеплодов и удобрение клевера суперфосфатом и калийной солью в Шварихинской и Татауровской школах, посадка дынь, томатов, болгарского лука и новых сортов картофеля с целью распространения этих перспективных и новых сельскохозяйственных культур среди населения².

Вятская школа им. Л. Б. Красина имела сельскохозяйственную базу в слободе Лянгасы. Учащиеся школы в летнее время вели дневники работ, что способствовало развитию умения наблюдать, осмысливать факты. При выращивании сортового картофеля школьники производили и записывали исследование состава почвы, ее капиллярности и водоёмкости, изменение температуры, записывали время и характер работ по уходу за этой культурой³.

Были сделаны первые шаги в области профессионального образования. Приведем только несколько примеров. В 1918 г. на базе среднего сельскохозяйственного училища Вятского губернского земства было открыто среднее сельскохозяйственное техническое училище. В 1919—1920 гг. оно называлось народнохозяйственным техникумом, в 1921—1922 гг. — сельскохозяйственным практическим институтом, а в 1923—1929 гг. — сельскохозяйственным техникумом повышенного типа⁴.

¹ Там же. С. 74.

² В помощь школе: методический сборник № 3. Вятка, 1928. 36 с. С. 15.

³ Константинов Н. А., Медынский, Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., «Учпедгиз», 1948. 472 с. С. 165.

⁴ ГАКО, ф. 1152, оп. 1, д. 1435.

В 1919 г. в Вятке на базе ветеринарно-фельдшерской школы губернского земства появилось ветеринарно-зоотехническое училище, преобразованное в 1922 г. в ветеринарный техникум¹.

В 1919 г. начал работу Вятский индустриальный техникум². По постановлению коллегии Вятского губоно от 13.09.1921 г. для подготовки счетово-финансовых и торговых работников потребительской кооперации был открыт промышленно-экономический техникум промысловой кооперации³. В 1918 г. продолжила работу фельдшерская школа, открытая еще Вятским губернским земством. В 1923 она была преобразована в медицинский техникум⁴. В 1926 г. на базе школы

инструкторов по сухой перегонке дерева был открыт Пицальский лесохимический техникум⁵.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в первые послеоктябрьские годы руководством страны и органами власти на местах проводилась активная работа по преодолению векового отставания российского населения в области просвещения. И эта работа находила, в целом, активную поддержку среди населения, особенно тогда, когда она, эта работа, не сопровождалась идеологическим давлением.

Послеоктябрьский период в истории российского образования отличался творческим поиском новых форм осуществления образовательной деятельности.

---

¹ ГАКО, ф. 1153, оп. 1, д. 307.

² ГАКО, ф. 1158, оп. 1, д. 529.

³ ГАКО, ф. 1156, д. 386.

⁴ ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 500.

⁵ ГАКО, ф. 3471, оп. 1, д. 76.

Список литературы

1. Бурлит юное поколение // Вятская правда — 28 июля 1929 г. — № 168.
2. В помощь школе: методический сборник № 3. — Вятка, 1928. — 36 с.
3. Второй Вятский губернский съезд Советов, апрель 1918. — Вятка, Вят. губ. тип., 1918. — 160 с.
4. Дьяконов, В. М. Вятский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина в первое десятилетие своей работы. 1918—1928 / В. М. Дьяконов // Труды Вятского педагогического института им. В. И. Ленина. Выпуск 14-й / Отв. ред. Я. Л. Харাপинский. — Вятка: Вят. губ. тип., 1934. — С. 28—36.
5. Ендальцев, В. С. Строительство советской школы в Вятской губернии в первые годы Советской власти. 1917—1920 гг. / В. С. Ендальцев // Ученые записки Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина: вып. 12 / ред. Е. И. Кирюхина. — Киров, изд-во КГПИ, 1958. — С. 126—140.
6. Еремин, В. Н. Крутоложино колхозное / В. Н. Еремин // Вятка-АИФ—1997. № 5. — С. 7.
7. Инструкция о пересмотре книжного состава библиотек и изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы [М., 1923]. Режим доступа: URL: <http://famhist.ru/famhist/klavson/000072ec.htm> [дата обращения: 1.06.17].
8. Кировский педагогический. 1914—1989 / ред. А. Г. Балыбердин [и др.]. — Киров, изд-во КГПИ, 1989. — 160 с.
9. Кларин, М. В. Дальтон-план / М. В. Кларин // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. — М.: «Большая российская энциклопедия», 1996—1999. — Т. 1. — 654 с.
10. Константинов, Н. А., Медынский, Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. — М.: «Учпедгиз», 1948. — 472 с.
11. Кошкин, Ф. Первая для взрослых / Ф. Кошкин // Кировская правда — 31 октября 1962 — № 258.
12. Монозон, Э. И. Путь комсомола / Э. И. Монозон. — Вятка: Вятгубиздат, 1928. — 60 с.
13. Об образовании народного комиссариата по просвещению и назначении народным комиссаром А. В. Луначарского / Из декрета Второго Всероссийского съезда Советов «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства» от 26 октября 1917 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. — М.: Педагогика, 1974. — 438 с.
14. Об организации дела народного образования в Российской Социалистической Советской Республике: Положение СНК РСФСР от 18.6.1918 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. — М.: Педагогика, 1974. — 438 с.
15. Об отмене отчетов: Постановление народного комиссара по просвещению. Май 1918 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. — М.: Педагогика, 1974. — 438 с.
16. О переименовании детских коммунистических групп имени Спартака в детские коммунистические группы имени товарища Ленина: Из протокола экстренного заседания пленума ЦК РКСМ от 23 января 1924 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 гг.

/ сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. — М.: Педагогика, 1974. — 438 с.

17. О работе по ликвидации неграмотности: Постановление ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 г. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. — М.: Педагогика, 1974. — 438 с.

18. Осипова, Р. Э. Старейшая кузница педагогических кадров области / Р. Э. Осипова // Вятская земля в прошлом и настоящем: в 2 т. — Киров, 1992. — С. 192—195.

19. Основные принципы единой трудовой школы: Декларация государственной комиссии по просвещению от 16.10.1918 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 г. / Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. — М.: Педагогика, 1974. — 438 с.

20. Открытие школы // Вятская речь. — 1917 — 27 октября.

21. Отчет о деятельности Вятского городского отдела народного образования. — Вятка, Вят. губ. тип., 1918. — 36 с.

22. Очерки истории и педагогической мысли народов СССР. 1917—1941. // ред. Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова, Э. И. Равкин. — М.: Педагогика, 1980. — 456 с.

23. Положение о единой трудовой школе РСФСР: Декрет ВЦИК РСФСР от 30.09.1918 г. // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917—1973 г. Сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М., Педагогика, 1974. — С. 133—137.

24. Помелов, В. Б. А. М. фон-Вилькен — первый директор Вятского

учительского института / В. Б. Помелов, // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета): сб. материалов VII всероссийской научно-практической конференции с международным участием: ред. кол.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. — Киров, 20—21 ноября 2013 г.: в 2 т. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. — Т. 1. — 357 с. — С. 11—21.

25. Помелов, В. Б. В. А. Трейтер — врач, педагог, педолог, общественный деятель Вятки / В. Б. Помелов // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2015 год: информ.-стат. сб. / Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл.: Н. И. Зорин (пред.) и [др.]. — Киров, изд-во «Статиздат», 2014. — С. 292—297.

26. Помелов, В. Б. Выдающийся отечественный дидакт Б. П. Есипов / В. Б. Помелов // Историко-педагогический журнал. — 2016. — № 3. — С. 114—130.

27. Помелов, В. Б. Вятский учительский институт в первые годы. 1914—1918 г. / В. Б. Помелов // Вятский государственный гуманитарный университет. 1914—2004 / отв. ред. М. С. Судовиков. — Киров: изд-во ВятГГУ, 2004. — С. 30—37.

28. Помелов, В. Б. Дымковская расписная игрушка как гордость Вятского края и отражение народных традиций / В. Б. Помелов // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. — 2016. — № 4. — С. 160—173.

29. Помелов, В. Б. Из истории отдельных школ. 1917—2007 / В. Б. Помелов // Хлынов-Вятка-Киров: историко-статистический сборник: в 5 т. — Т. 2. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области: Н. И. Зорин (пред.) [и др.]. — Киров, изд-во «Статиздат»,

2014. — (Электронный оптический диск). — С. 192–220.

30. Помелов, В. Б. Народное образование в 1917–1999 годах / В. Б. Помелов // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. / отв. ред. В. А. Ситников. — Т. 9. — Киров: изд-во «Вятка», 1999. — С. 57–146.

31. Помелов, В. Б. Педагоги и психологи Вятского края / В. Б. Помелов. — Киров: Изд-во «Информационный центр», 1993. — 84 с.

32. Помелов, В. Б. Семья Трейтеров в Вятке / В. Б. Помелов // Немцы в России: сборник материалов II всероссийской научной конференции с международным участием. Киров. 28 апреля 2012 г. / ред. колл.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. — Киров, ИД «Герценка», 2012. — С. 92–102.

33. Помелов, В. Б. Советский индустриально-педагогический колледж — старейшая кузница педагогических кадров в Кировской области / В. Б. Помелов // Социализация сельских школьников в условиях реформирования системы образования: современные тенденции и опыт: материалы всероссийской научно-практической конференции 17–18. 11. 2011 г. / ред. Г. И. Симонова. — Киров: изд-во ВятГТУ, 2011. — С. 66–73.

34. Помелов, В. Б. Ученый-педагог Б. П. Есилов — уроженец Вятского края / В. Б. Помелов // Герценка: Вятские записки: научно-популярный альманах: вып. 28 / ред. кол.: Н. П. Гурьянова (сост.). — Киров: ИД «Герценка», 2015. — С. 129–148.

35. Семаков, С. Тезисы по истории комсомола Вятской губернии / С. Семаков. — Вятка, Вят. губ. тип., 1926. — 46 с.

36. Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО), ф. 1137, оп. 1, д. 11.

37. ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 14.

38. ГАКО ф. 1137, оп. 1, д. 42.

39. ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 142.

40. ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 500.

41. ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2480.

42. ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2791.

43. ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 2852.

44. ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 3019.

45. ГАКО, ф. 1137, оп. 1, д. 3038.

46. ГАКО, ф. 1139, оп. 1, д. 315.

47. ГАКО, ф. 1151, оп. 1, д. 516.

48. ГАКО, ф. 1152, оп. 1, д. 1435.

49. ГАКО, ф. 1153, оп. 1, д. 307.

50. ГАКО, ф. 1156, д. 386.

51. ГАКО, ф. 1158, оп. 1, д. 529.

52. ГАКО, ф. 3471, оп. 1, д. 76.